

ПАНОРАМА

Встреча в Литературном музее Кубани

В рамках проведения Литературного тура «Москва–Сочи–Краснодар–Ростов–на-Дону» в Литературном музее Кубани состоялась интересная встреча с московскими гостями. С кубанскими писателями и членами литературного объединения «Верность» (руководитель поэт В. А. Динка) встретились поэт, философ, член Международного ПЕН-центра, генеральный директор Евразийского проекта «Лифт» (Всероссийский литературный фестиваль фестивалей), председатель Союза «СПИЧ» (Союз писателей и читателей) Маргарита Аль и председатель благотворительного фонда «Подари любовь миру» Марина Волкова.

Маргарита Аль презентовала Первый Всероссийский литературный журнал Лифт, во втором номере которого были опубликованы произведения кубанских авторов: стихи Ю. Гречко, Е. Петропавловского, Л. Сироты и рассказы Л. Новосельской. Всего же на страницах нового всероссийского литературного журнала «Лифт» представлены авторы сорока регионов России. После выхода первого номера журнала его редколлегия провела десять выездных презентаций и ответила на сотню писем, в результате чего было принято решение об издании региональных журналов Лифт, об отборе региональными редколлегиями произведений для публикации на страницах

Всероссийского журнала. В настоящее время региональные журналы уже верстаются в 12-ти регионах.

В 2016 году в городе Алушта Республики Крым состоялся Первый Всероссийский Литературный Фестиваль фестивалей «Лифт-2016», который проводился по результатам года Литературы-2015. В текущем году «Лифт» принимала Москва. Третий же Фестиваль пройдет в 2018 году в нашем крае, в городе Сочи. Маргарита Аль провела презентацию предстоящего

события в литературной жизни страны. Место проведения очередного Фестиваля выбирается не случайно: лауреатом Второго Всероссийского литературного фестиваля фестивалей 2017 стал сочинский поэт Александр Вепрев, поэтому-то Сочи и примет гостей-писателей.

Маргарита Аль представила кубанских и адыгейских литераторов – авторов второго номера журнала, рассказала о лауреате Лифт-2017.

На встрече в Литературном музее Ку-

бани выступил автор второго номера журнала – Сергей Тимшин. Он же был избран региональным представителем журнала Лифт.

На встрече в музее свои стихи прочитали члены литературного объединения «Верность» Любовь Дедкова и Олег Никулин.

Приятным сюрпризом для всех присутствующих стало знакомство с председателем Екатеринбургского отделения Союза российских писателей, сопредседателем Союза российских писателей, прозаиком Арсеном Титовым.

Председатель благотворительного фонда «Подари любовь миру» Марина Волкова представила проект «Крышечка мира», посвященный Году экологии в России.

Сотрудники Литературного музея Кубани и Краснодарской центральной городской библиотеки им. Н. А. Некрасова стали обладателями 1-го выпуска нового всероссийского литературного журнала.

Литературный музей Кубани всегда рад знакомству с новыми авторами, а уютная гостиная открыта для творческих встреч. Желаем Союзу «СПИЧ» и проекту «Лифт» прирастать участниками, талантливыми именами, а журналу набирать силу и расширяться.

Н. В. Ламосова,
старший научный сотрудник Литературного музея Кубани

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

«БОЛЬШЕ ЖЁСТКОСТИ!..»

В мае этого года прошёл XII Санкт-Петербургский международный книжный салон. Впечатлениями об этом замечательном событии в культурной жизни Петербурга делится председатель СПб отделения Союза писателей России Борис Александрович Орлов.

– Что мне запомнилось на нынешнем Салоне? Во-первых, как всегда, проводилось несколько круглых столов, и надо сказать, что в этом году основными темами обсуждения были экология и 100-летие русской революции. Тут две революции – Февральская и Октябрьская – были объединены в одну, хотя это и неправильно: их готовили различные, даже враждебные друг другу силы... В самом начале Салона выступал один из либеральных ораторов и сказал, в частности, что неплохо было бы сейчас вновь устроить революцию, – но пусть это будет революция сверху... Я попросил слова и ответил ему так:

– Любая революция ведёт, прежде всего, к нарушению народом заповедей Божиих: «Не убий», «Не укради», «Почитай родителей»... Любая революция начинается с клеветы на власть. В 1917 году клеветали на государя императора, на царицу, а в конце 80-х – начале 90-х шла клевета на всех исторических руководителей Советского Союза. Но вот на что обратите внимание: когда революция совершалась, то те, кто захватил власть, неизменно вели себя куда хуже, чем те, на кого они клеветали! И ещё один момент, который стоит помнить: и в 1917-м, и в 90-х годах перевороты смогли совершиться только потому, что власть сама выпустила из рук бразды правления. Видим ли мы сейчас что-нибудь подобное?..

И другой интересный разговор состоялся у меня на одной

из литературных встреч. На ней выступал публицист из Москвы Андрей Максимов. Он заявил, что, оказывается, родители должны учиться у детей, а не наоборот, как считалось испокон веку; что дети намного умнее взрослых, что на генном уровне в них уже заложено всё, что человеку необходимо, и всё это ещё не испорчено взрослой жизнью... Вы наверняка знакомы с подобными воззрениями: в последнее время их всё чаще высказывают представители либерального лагеря. Я тоже не впервые слышал нечто подобное, но сейчас, на Салоне, после разговоров о прошлых и будущих революциях, мне стало совершенно ясно, что такими речами кое-кто пытается подвести теоретическую базу под выступления «недовольной молодёжи», которые так участились в последнее время. Руками детей – «безгрешных и премудрых» – пытаются совершить новый переворот! Я задал Максиму вопрос:

– Вы слышали высказывание известного исторического деятеля: «Молодёжь – чистый лист бумаги; что напишешь, то и прочитаешь»? Во времена Российской империи детям внушали понятия доброты и греха; в советское время детей учили, «что такое хорошо и что такое плохо», – а сейчас из молодёжи делают законченных индивидуалистов, для которых хорошо только то, что им самим нравится. И эти дети, по-вашему, станут лучше своих родителей?

Максимов в ответ стал рассуждать о том, что в каждом человеке от рождения есть нечто Божественное, а зло приносит в душу только социальным началом – то есть, в данном случае, государством. По его словам выходило, что любое государство есть зло, и с любым государством надо решительно бороться, – чем, видимо, и занимаются участники молодёжных акций. «Только семья, – заявил он, – есть основа всяческого добра!»

– Хорошо, – ответил я. – Семья – это действительно прекрасно! Но ведь семьи бывают разные: есть семья «зайца» и семья «волка», есть семья олигарха и семья современного сельского жителя, который, как ни стараются, не в силах свести концы с концами... О какой именно семье вы говори-

те? Семья «волков» непременно съест семью «зайцев», если государство ему не помешает, если государство будет разрушено!

Разговоры о «чистых и всезнающих детях», у которых нужно учиться взрослым, ведут, в конечном счёте, к торжеству в России ювенальной юстиции, к поощрению «молодёжного протеста» и становятся серьёзным ударом по безопасности России. Мне хочется спросить: до какой степени подобные литературные встречи соответствуют Указу Президента РФ № 683 от 31 декабря 2016 года, известному как «Стратегия национальной безопасности»? В «Стратегии» чётко сказано, что укрепление национальной безопасности невозможно без сохранения и приумножения традиционных российских духовно-нравственных и культурных ценностей.

В этой связи не могу не сказать вот о чём... Несколько удивил меня тот размах, с которым на нынешнем Книжном салоне проводилось представление книги принцессы Кентской «Анжуйская трилогия». Фактически дело было поставлено так, что это стало главным собы-

тием Книжного салона; и чтобы ещё раз это подчеркнуть, после представления принцессу повезли на фуршет, который состоялся не где-нибудь, а в Государственном Эрмитаже. Честно говоря, столь великое почтение к заезжим авторам, пусть даже и королевской крови, не может не озадачивать. В конце концов, разве не должны мы знакомить читателей в первую очередь с новинками отечественной литературы, с представителями русской культуры, с людьми, которые своей литературный труд пытаются направить на пользу нашей Родины? Я не имею ничего против того, чтобы принцесса-литераторша представляла у нас свою книгу, но надо же понимать, что для России является первоочередным, а что – второстепенным. Ведь Петербургскому отделению Союза писателей России было выделено чрезвычайно мало квот, чтобы пригласить на салон русских писателей из русских городов, – писателей, которые придерживаются государственной позиции! У нас было запланировано мероприятие: «Роль традиционных конфессий в переломные для государства моменты». Я собирался пригласить, в частности, Магомеда Ахмедова, замечательного дагестанского писателя-патриота, который прекрасно разбирается в данном вопросе, – и я не смог этого сделать! Книжный салон мог бы дать всероссийскую трибуну нашим писателям-государственникам.

(Окончание на стр. 2)

СОБЫТИЕ

(Окончание. Начало на стр. 1)

Которые, живя в провинции, задыхаются от невозможности выйти на широкую аудиторию, – но, видимо, кое-кто считает, что для русского читателя куда важнее литературные опыты представителей британского королевского дома.

Характерно, что в этой истории опять упоминается Эрмитаж, с его печально известным директором, превратившим великий музей в выставочный зал для всевозможных авангардистских экспериментов, низкопробных и безнравственных. Я уже не раз высказывался о том,

какую разлагающую роль играет деятельность Михаила Пиотровского в современном русском обществе, – и всё это совершается им под разговоры о «первостепенной роли культуры в формировании цивилизованного человека». Простите, какой культуры? Только духовно-нравственная культура, основанная на традиционных ценностях народа, способна действительно строить и укреплять человеческие души, только та культура, которой Эрмитаж служил изначально, а не та антикультура, центром которой его пытаются сделать сегодня.

По моему убеждению, сейчас в России наблюдается системный духовно-нравственный кризис, и нельзя выходить из него по принципу «куда кривая вывезет». Враги нашей Родины пытаются протаскивать свои разрушительные идеи при каждом удобном случае, в том числе и на Международном книжном салоне. На мой взгляд, представители власти – в том числе и губернатор Санкт-Петербурга – должны тщательнее изучать идеологическую составляющую таких мероприятий. Хочется пожелать власти больше жёсткости в отстаивании политики национальной безопасности. Либералы постоянно пугают нас неким мифическим «всевластием российских спецслужб», которого-де «нельзя допустить». Не знаю о российских спецслужбах, но вот деятельность западных мы видим уже невооружённым глазом, видим тот страшный вред, который они наносят России через своих многочисленных агентов влияния. На этом печальном фоне перспектива усиления национальной безопасности давно уже не пугает русского человека, – совсем наоборот, мы будем только «за», если власть начнёт решительно отстаивать интересы своей страны.

Борис ОРЛОВ
(Санкт-Петербург)

<https://clck.ru/BUPYY>

ПАНОРАМА

● Всероссийский Фатьяновский праздник поэзии и песни, посвящённый А. И. Фатьянову прошёл в 44-й раз и стал визитной карточкой города Вязники, Владимирской области. Алексей Иванович Фатьянов (1919-1959) родился в деревне Малое Петрино, ныне микрорайон Вязников. В годы Великой Отечественной войны, которую поэт прошёл с первого до последнего дня, пришло признание его творчества, песни на его стихи любимы и популярны до сих пор. Один из примеров: пронизывающую душу песню «Соловьи» маршал Г. К. Жуков поставил в один ряд со «Священной войной». В память о великом поэте-песеннике на знаменитую Фатьяновскую площадку ежегодно съезжаются поэты, композиторы, певцы, артисты со всей России. В этот раз в числе гостей были поэты Александр Бобров, Василий Дворцов, Наталья Чистякова (Москва), Елена Пиетиляйнен (Петрозаводск), Светлана Макарова-Гриценко (Краснодар), Николай Ильченко (Севастополь), Александр Пасхин (Гусь-Хрустальный). Творческие встречи прошли в Музее песни XX века, на городских и сельских площадках.

● В день семьи, 8 июля, в краснодарской библиотеке им. А. И. Герцена в рамках проекта «Субботний вечер поэзии» состоялась встреча с членами краевого литературного объединения «Верность» Натальей Николаевной Никулиной и Александрой Амвросимовной Королевой. Участники мероприятия стали читателями библиотеки старшего поколения. Душевно и тепло ими были приняты литераторы, ведь гостями библиотеки стали поэтессы. Их поэзия – искренняя, добрая, мудрая – никого не оставила равнодушным. В яркой выразительно-эмоциональной форме они читали свои стихи, мудрые, лиричные и легкие, с тонким юмором. Участники мероприятия задавали множество вопросов. Их интересовало, как часто рождаются стихи, как это происходит, кто любимый поэт. Слушатели поблагодарили за интересную встречу, пожелали больших творческих успехов, новых интересных стихов. Этот субботний вечер запомнится присутствующим надолго. Все единодушно выразили надежду на продолжение проекта.

МНЕНИЕ

О свободе реальной и свободе мнимой

Для начала цитата из Интернета:

«От вирусной атаки пострадало более 75 тысяч компьютеров по всему миру, заявил представитель французской полиции Валери Малдонадо, 13 мая сообщило агентство «Франс Пресс».

«Это число компьютеров, которые были заражены вирусом. Это предварительные результаты, и в ближайшие дни данная цифра скорее всего должна увеличиться», – сообщил Малдонадо.

Ранее представители «Лаборатории Касперского» сообщали, что зафиксировали около 45 тысяч атак вируса. Разработчики антивируса Avast заявляли о 57 тысячах атак.

Напомним, что масштабная хакерская атака началась по всему миру в пятницу, 12 мая сего года. Вирус-вымогатель WannaCry блокировал работу заражённого компьютера, требуя при этом \$300 за разблокирование. В результате атаки пострадало большое количество предприятий и учреждений. В частности, была парализована работа ряда медицинских учреждений в Великобритании и приостановлено производство автоконцерна Renault. Для создания вируса была использована модифицированная программа АНБ США «eternal blue».

Лично у меня стоит антивирусник Avast и я до недавнего времени пользовался услугами интернет-провайдера компании «Мегафон», на который наряду с нашими МВД, МЧС и, кажется, РЖД, тоже пришлась вирусная атака. Как раз где-то в 15 часов в ту самую «чёрную» пятницу на моих гаджетах интернет вначале грузился с трудом, а затем пропал минут на 15...20.

А неделей позже, утром, в авторской программе Дмитрия Куликова «Формула власти» на радиостанции «Вести ФМ» шёл разговор об этом, и обсуждалась тема отработки своего параллельного разработанного в России интернета, защищённого от всей этой, и не только этой, заразы. По всей видимости работы уже ведутся, поскольку это стало настоятельной необходимостью, а не какой-то прихотью, потому как гарантии того, что вышеупомянутая атака организована не кучкой обезбашенных и продвинутых балбесов, похода хакнувших полмира (пострадали в той или иной степени 160 стран), а не один из вариантов начала необъявленной кибервойны против всех (проба пера, так сказать). И вспомнились мне недавние неллице-

приятные дебаты в соцсетях по поводу предложения регистрироваться в интернете по паспорту или что-то в этом духе. Сколько по поводу этого было исторгнуто праведного гнева, основным лейтмотивом которого явилось следующее: как так, это покушение на святое – свободу самовыражения! Вот о ней и давайте порассуждаем.

Что есть свобода? «Я называю свободной, – писал Спиноза, – такую вещь, которая существует из одной только необходимости своей природы...»

Казалось бы, что тут непонятного? Если ты осознал необходимость того или иного действия, будь то работа каменотёса или пропалывание грядок – ты свободен. И в подтверждение этого вот ещё одна обширная цитата, взятая мной с одного из форумов на эту тему:

«...Обычно люди убеждены, что они наделены свободой воли и их поступки осуществляются ими совершенно свободно. Между тем свобода воли – иллюзия, результат того, что подавляющее большинство людей осознаёт свои поступки, не вникая глубоко в причины, их обуславливающие. Только умудрённое меньшинство, способное на путях разумно-интуитивного знания подняться до осознания мировой связи всех причин с единой субстанцией, постигает необходимость всех своих поступков, и это позволяет таким мудрецам превратить их аффекты-страсти в аффекты-действия и обрести тем самым подлинную свободу [выделено мной]. Если свобода нашей воли – только иллюзия, порождаемая неадекватными чувственно-абстрактными идеями, то истинная свобода – «свободная необходимость» – возможна лишь для того, кто достигает адекватных, разумно-интуитивных идей и постигает единство обретенной свободы с необходимостью.

Смысл данной идеи в том, что свободным [себя] чувствуешь, делая что-то независимо от чьей-то воли. Очень часто приходится напрягаться и выполнять нечто совсем нежелательное. Но это только если ты не считаешь это правильным и нужным сам. То есть, чем больше ты осознаешь смысл своих действий, тем легче они тебе даются. Осознание ведёт к освобождению духа.

Жизнь в обществе накладывает на каждого человека ограничения (отказ от части личных свобод) ради устойчивого

функционирования или прогресса самого общества [выделено мной]. В этом случае ограничения с лихвой искупаются новыми возможностями, то есть увеличением свободы.

Таким образом, свободный человек есть человек, осознанно принимающий ограничения своих возможностей (ограничения своей личной свободы), необходимые для существования общества, которое своим существованием ещё больше увеличивает свободу человека».

Вот это-то положение – связанность личной свободы и свободы общества, новейшее общество (простите за тавтологию) как раз и забыло, подменив его достаточно размытым термином «демократия» (власть народа). На самом деле под этим «фиговым листочком» прячется ВЛАСТЬ ДЕНЕГ со всеми вытекающими последствиями: свободой потребления всего чего угодно – еды, развлечений, наркотиков, секса, гламура и т.д. Главное – потреблять, потреблять и ещё раз потреблять, раскручивая всемирную инфляционную спираль и разжывая остатки самосознания. Здесь должно соблюдаться лишь одно условие: продукт должен воздействовать на безусловные рефлекссы, сиречь инстинкты, которые «защиты» в человеческой генетике. И при этом меньше думать – думающий человек опасен.

Вот и получается, что мы, уничтожив СССР и открывшись западному миру, лишили сами себя прививки (этим термином я называю всё то лучшее, что с огромными трудами и сумасшедшими потерями без малого 70 лет воспитывалось в советском обществе) от пороков «свободного» мира.

А теперь ещё малая толика рассуждений. Как уже отмечалось выше, мы немало натворили бед, строя социализм, где свобода как таковая имела достаточно много ограничений. В конечном итоге, из этих бед и ошибок выросла идеализация мира за «бугром» или, если угодно, за «железным занавесом». Убрали занавес и кинулись в объятья «свободного» западного общества, осознавая со временем всё яснее порочность и этого пути. Таким образом, получается, что нужен свой, третий путь – дорога, которой никто ещё не ходил, даже философы и фантасты.

Кстати, о фантастах. Снова и снова восхищаешься прозорливостью любимых моих братьев Стругацких, вспоминая на этот раз

не гамлетовские терзания Руматы Эсторского, а трёх гомункулусов профессора Выбегалло. Первого можно отместить сразу – он помер тут же, едва вылупившись из автоклава, поражённый всеми известными болезнями; от неуёмности в жажде желудочного потребления второго мы, думаю, избавимся достаточно быстро – не изничтоженные до конца остатки советского и христианского иммунитета (в самом широком смысле, включающем и мусульманские, и иудейские, и буддистские истинные ценности) нам не позволят полностью погрузиться в это болото... Самое страшное – не стать третьим, попытавшемся стянуть под себя все доступные ценности и закуклиться в свёрнутом окружающем пространстве. Найдётся ли у нас для этого свой Роман Ойра-Ойра, который решительными действиями поможет осознать разницу между свободой реальной и свободой мнимой?

К рассуждениям о том, к чему приводит размытость понятия «свобода» ещё не раз придётся вернуться потому хотя бы, что «всё смешалось в доме Облонских»...

Свобода

Сказал мудрец: «В цене свобода, лишь та, которая внутри», а в нас сидели бунтари, и мы – в неё, не зная брода.

И мы, свернув худые шеи, её хотели сразу всю, забыв, что вырастет овсяг в полях, коль зёрен не посеять.

И вот, свободны: хочешь – плюй, желаешь – ничего не делай, а если кто на дело смелый, навертит – мама не горюй!

Наверно суетились зря, зря пели беззаконью оду – на кой такая нам свобода коль нету в головах царя?

В стране-тюрьме брели сквозь тьму к свободе нищие народы... Я так наелся той свободы, что захотелось вновь в «тюрьму».

Владимир Романов

Поэзия

СЕРГЕЙ ТИМШИН

(из новых стихов)

СТИХИ В ЗАЩИТУ МЕЖДОМЕТИЙ
(Ко Дню русского языка)

Один читатель мой заметил,
Что и в ухоженных стихах
Пестрит избыток междометий
Как сорняки на цветниках...

Увы, поэты не артисты,
Хоть иногда, имея шарм,
Словес эстрадную цветистость
Пускают взорам и ушам.
Но я влюбляюсь в разноцветья
Тех поэтических страниц,
В лугах которых междометья
Соперничают с пеньем птиц!
Где не от зековского шипа,
Не от разбойничьего «Ша!»,
А от сердечного «Спасибо»
Светлеет чуткая душа.

Ах, слога чувственные звуки!
Ведь ты поёшь – не говоришь –
И побудительное «Ну-ка...»,
И ироническое «Ишь!»!
В том речи русской обаяние –
Все эти «О», и «Чу», и «Ай»,
И – изначально, изначально! –
Над колыбелью «Баю-бай».
В них отражается эпоха,
В них жизнь восходит на-гора
Из полу-вскрика, полу-вздоха
К многоголосому «Ура-а!»!

И сколько дальше буду петь я
Стихи упрямые свои –
В них не иссякнут междометья
На поле боя и в любви!

КАЛИНА ВЫЗРЕЛА...

Горит калина спелая,
Горчит калина сочная...
Была по маю белая
С пыльцой медово-солнечной.
Цвела калина истоиво
Невестой не кручинною,
Тянулась в небо чистое
Влюблёнными тычинками.

Дожди и грозы буйные,
И птицы-почитатели,
И ветры поцелуйные
Кудрявую лохматили...
Но – летние и яркие –
Летели дни округою,
Напитывая ягоды
Молочные, упругие!..

Щедра природа красками,
Да, жаль, не постоянными:
Явились дни октябрьские
Рассветами туманными...
Горит калина зрелая,
Свисает долу гроздьями,
Листою побурелая
Пред близкими морозами...

ВАЛТОРНЫ И ЖАЛЕЙКА

Тоска в тональности тлетворна
Для песнопевческой груди...
Сияй, пузатая валторна,
В оркестре праздника гуди!

Бравурной музыки налей-ка,
Чтоб не коробила ушей
Моя негромкая жалейка
С печалью русскою моею...

Вам больше маршевости надо?
Мажорно выдутых рулад?
Но жизнь без грусти – клоунада
И ад.

СЕРЕБРЯНЫЕ ЧЁЛНЫ

Облаков рассветных чёлны
Тихо по небу бегут.
На подворье нашем пчелы
Начинают песню-гуд.
Снова мир благоухает,
Излучая благодать.
И иначе, как стихами,
Чувств моих не передать.

Всё в природе повторится,
Будто сотни лет назад!
Только жаль, что мне не тридцать,
А уже под шестьдесят.
Только жаль, что ножка мамы
В позднем возрасте болит,
И целебные бальзамы
Не излечат ей артрит...

Но цветут душа и сердце
И вбирают благодать!
И на солнышке погреться
Маме сладостно опять,
Где старательные пчелы
Пьют нектар и синеву,
Где серебряные чёлны
В край неведомый плывут...

МАРТ НА УКРАИНЕ

Возвращаются птицы стаями
В те края, где снега растаяли,
Где славянских небес проталины
Преисполнены синевы!
Братья, братья мои усталые,
Хунта сгинет, а вы останетесь,
И покаетесь, и состаритесь
У могил, где скакали вы...

ПОД НЕБОМ МИРНЫМ

Весною особенно хочется мира,
И песней о том возвещает скворец.
Руины от мин очищает Пальмира,
И раны окраин латает Донецк...

Стою на просторе великой Отчизны,
Под солнышком мирным душой разомлев.
Весною особенно хочется жизни
На этой чудесной и горькой земле...

ПРЕДВСТРЕЧНОЕ

Ветры зазвенели арфами,
Пахнут небеса весной,
Аисты зимуют в Африке,
Аистам пора домой!

Сердцем вычисляю азимут,
В дали окуная взгляд:
Может быть, над Малой Азией
Аисты уже летят!

Солнечные пью мелодии,
Ждущая душа хмельна:
Аисты спешат на родину –
Родина у нас одна!

ПРОЗА

Сергей КОТКАЛО

Москва

Матери

Правда войны на Донбассе

На шум нещадно резавшего звенящую тишину самолета выбежал на непокрытую паперть священник. Щурясь от горячего желтого света солнца, он тревожно сказал недвижно сидящей на высоких ступенях богомолке, той, что держала в объятиях загорелыми руками алое в белый мелкий горошек ситцевое платье:

– Что сидишь-то!

– Сижу, – односложно ответила, закусив верхней губой нижнюю, покачивая беспомощно головой, когда над ними пролетел первый самолет.

За первым тотчас пошел другой дозвуковой штурмовик, но уже совсем низко, тяжелее, натужно. Он спустился над ближней к церкви святого великомученика Димитрия Солунского высокой старой грушей, что в это лето щедро ярилась янтарными плодами в черноте зеленых листьев...

Священник вскрикнул по-бабьи:

– Ложись, – и шмякнулся, что называется у пловцов, бомбочкой прямо с высоты крыльца на пышные кусты белых георгин.

Но женщина даже не шевельнулась. Штурмовик пролетел, едва не задев крест над колокольней, над кладбищенским парком и упал на берег рукотворного моря, как бы всплакнул протяжно и на выдохе рева взорвался, мгновенно объятый от края до края огнем...

Священник облегченно поднялся над поваленной белизной георгин, стряхнул прилипшие листья с ряссы, оглянулся на ступени паперти: женщина как сидела согбенно, так и не двинулась с места.

– Что сидишь-то? – повторил прежний вопрос к ней.

– Сижу, – односложно сказала она, но вроде очнувшись на этот раз, зашевелилась и уже встав, молвила безадресно: – Пойду я...

– Ступай, – тоже бессвязно с мыслями, скорее механически перекрестил вдогонку её священник, нервически окидывая взором храм, округу, полыхающее за кладбищенским парком авиационное кострище, куда направила молодая, еще вчера стройная и красивая, а ныне белая как стены церкви безыскусная женщина.

Прежде она жила на противоположном берегу рукотворного моря, питавшего турбины электростанции. Теперь каратели её сделали безродной бездомницей. Они разбомбили в рассветной утренней неге её дом, разметав по степи всё, не оставив, кроме глубокой воронки, даже хоть каких-либо частичек милых её доченьки, мальчишек и

любимого мужа. Она бы тоже развеялась по плачущей ковыли, если бы не пошла на заре на раннюю дойку на открытый загон, на берег, где обыкновенно летом ночевало стадо, но и туда не дошла... Неизвестная сила вскинула её над землей и уже в беспомощности уронила обратно. Она очнулась меж двух огромных, будто вырытых ям для будущих переливных озер... Она еще не чувствовала в теле никакой боли. Она беспомощно вертела вокруг головы, как бы пыталась поймать неуловимые признаки прежней жизни, пока силы не иссякли, голова не пошла кругом, и она не потеряла сознание...

Сколько она лежала? – ведал лишь Господь. Когда жизнь вернулась, она встала и пошла в поперёк пути меж двух воронок на дым труб электростанции. Она прошла промежуточными дорогами окраинный хутор Красного пахаря, без труда преодолела скелет взорванного через реку моста, минула скопление грозных орудий желто-блукытного врага. Теперь она точно знала, что это враги, потому что они забрали у нее самое дорогое, что было в её прежней жизни – детей и мужа. Они напали на её очаг без объявления войны, тогда как она им никогда не желала и не сделала ничего плохого.

Она брела бессмысленно через пантон у дамбы, глядя в беспросветную даль, ослепленная горем. Её сердце лишилось чувства тревоги. Её тело подобно степной ковыли качалось на ветру печали безвестной правды войны.

Вдоль берега неглубокой речки Луганки она то и дело наталкивалась на карателей, но они не обращали на нее никакого внимания, потому что видели в ней лишь абрис жизни, а кое-кто из бойцов даже прятался в чужих огородах, боясь встречи с укором совести. Некоторые при встрече с ней бросали оружие и бежали в разные стороны, боясь что

неизвестная сила горя, запечатленного в образах этой матери, сотрет их мукою в пыль...

– Кто ты? – спросил было её придорожный калика, когда она открывала церковную калитку.

– Мать, – тогда ответила ему и уже как-то совсем ослабленно добрела до ступеней церкви, где просидела ночь и день, пока не свалилась на берег рукотворного моря штурмовик.

Каратели, меж тем, беспорядочно бесчинствовали. Убивали прямо на улице безоружных людей, травили газами, подкидывали во дворы гранаты... Но она продолжала сидеть на пороге церкви святого великомученика Димитрия Солунского. Никто из карателей не решался приблизиться к ней, может, – последнему укору совести.

И только сейчас, когда упал, взорвался и сгорел штурмовик, что-то в ней шевельнулось и она пошла в сторону кладбищенского парка, где вблизи ворот, на ромашковой поляне сидела так же безжизненно тень женщины и плела веночки.

– Даша, – услышала едва узнаваемый из прожиготого шорох голоса.

– И ты, Тоня, – скрипнула в ответ и тоже опустилась в ромашки, – здесь дожидаться.

– Нет, – сказала золовка, – некого ждать – всех убили.

– Всех, – как бы повторила своё Даша.

– И ты одна? – спросила её Тоня-золовка.

– И меня уже нет, – молвила Даша, – всех одним махом.

– А мои, – обыденно стала говорить Тоня, – друг за дружкой. Ваню, мужа, муху не обидевшего никогда, в лицо изрешетили, когда возвращался со станции после вахты... Серезу, сыночку нашего, в Луганке, через дамбу воду вез ополченцам, снарядом в голову... Ванюшу, сыночку, оглашенные, возле управы, где с ребятишками на самокатах катались, ему вчерась двенадцать бы

исполнилось, гранатой, – и дальше затихла без слез и причитаний, просто замерла.

Долго бездейственно молчали. За спиной, за кладбищенской оградой в густоте липовых деревьев гомонили воробьи, грачи, стрижи... – они теперь от страха шума и взрывов снарядов боялись подолгу высываться на свет Божий.

Сколько бы они еще просидели, сколько бы еще наплели венков из ромашек, – мы уже не узнаем, потому что в это молчание ворвался крик, шум и гвалт заработавших механизмов «смерчей» и «градов».

Земля задрожала. Безымянная, обезумевшая мать выбежала из кладбищенских ворот на дорогу, держа за руки мальчика и девочку, заметалась...

Заработали машины смерти. Полетели вверх-вниз снаряды.

– Мама, – вскрикнула девочка в васильковом сарафанчике, с белым пышным бантом, что с левой руки матери, закрывая свободной ручкой глаза, – это «град» сыпится...

– Нет, – категорично возразил сестре мальчик, что был с правой руки матери, – это «смерчь» летит...

Они, дети, еще не сидевшие за партой в школе, уже различали звуки реактивных установок, а земля под их ногами гудела, дыбила, редела...

Что-то как-то не заладилось в механизмах «смерчей» и «градов» карателей, которые, надо полагать, должны были поражать дальние цели своих жертв, но снаряды стали падать на них, полетели в сторону церкви...

Мать и дети металась и сильно кричала, но никто их не слышал. Все объят гром, дым огонь и степная пыль...

***

Ближе к вечеру стихли взрывы. В дальних улицах кое-где даже залапали ожившие собаки. Священник обходил крепко побитый, но не сгоревший храм святого великомученика Димитрия Солунского. С восточной стороны, с престольной стороны, на окне, под образом Спасителя лежали два ромашковых веночка, да так, будто кто-то специально для его внимания их только что принес.

Священник невольно кинул взор в сторону кладбищенского парка и ахнул: и кладбище, и ромашковая поляна будто сквозь землю провалились, а на их месте образовалось огромное море и над ним кружила огромная стая красивых, словно херувимы, белых голубей и слышалось из высоты синего-синего неба тихое сладкое пение «Святый Боже...»

Александр Мартыновский

НА ПРАЗДНИКЕ В ОТРАДНОЙ

(отрывок из очерка)

Побывать в Отрадной мне выпало случайно. Вечером мне домой позвонил Сергей Хохлов, тогда руководитель писательской организации. Будучи у него под рукой, я в работе сочетал обязанности литконсультанта и оргсекретаря. Позвонил и сказал, что он приболел, и потому мне придётся побывать на краевом мероприятии в Отрадной. Представительствовать от писательской организации и быть готовым выступить. Поедет и Иван Дроздов, возглавлявший Бюро пропаганды нашей организации, писатель-фронтоник. Он же поведёт машину.

Ехать я, конечно, согласился. Но насчёт выступления, так вот, вдруг, засомневался. — Не теряйся, — подбадривал Сергей Никанорович. — Я и Лукьяновича на это настроил.

Читаю запись того времени: «... Дорога не близкая, поэтому выехали ранним часом. Город уже просыпался, но на улицах ещё нет машин, и как-то сонно погромыхивает и вяло тянется трамвай. Резкие звонки будят тишину. ... Ростовская трасса, такая оживлённая среди дня, сейчас тоже пуста, серая полоса устремляется вдаль и манит: катите, скользьте! ... Тихо и безлюдно среди зеленеющих полей, распахнувшись по обочинам дороги. Всё в дреме, даль в дымке утреннего тумана. В щель двери сквозит тугая и студёная струя встречного ветра. В теплой машине представляешь ледяной холод обильных утренних рос».

1994 год. Уже развалилась великая держава. От разлома ходуном заходила родная земля — матушка Россия, того и гляди новые трещины образуются. И об этом запись:

«... В народе растерянность и паника. Глухой ропот и громкая брань людей старшего поколения: могучая великая страна на глазах порушена и превращается в некое кочевье вдруг брошенных на произвол людей. Отчего порой кажется, что не осталось места на нашей земле для покоя и радости. И вдруг — Отрадная со своим представлением! Будто из другого мира, совсем из другого уголка земли, далёкого-далёкого от нашей унылой действительности, от нашей нынешней многострадальной жизни».

Я читаю записи, и даже не верится, что было так. Но помнись-то помню. Так именно и было. Можно сказать чуть ли не сногшибающе, по своей неожиданности, обрушилось на меня это гремящее динамиками, звенящее музыкальными инструментами, живое песенное, звонко-веселое веселье многочисленной и пёстрой оживлённой публики на станичной площади.

Дело в том, что мы не застали начала. Как ни рано выехали, как ни прытко мчалась наша «Волга», ведомая Иваном Лукьяновичем, но на открытие праздника мы малость опоздали.

Слово для выступления предоставлял Пётр Ефимович Придиус. Нас он заметил издали и жестом руки пригласил на высокий помост, где находились почётные гости. А вся площадь за самые крайки её была заполнена людьми в праздничных пестрых одеяниях, и среди них кавказские, украинские, казачьи, русские национальные костюмы.

Под стать и природа светилась празднично. Солнечная, по-весеннему свежая синева неба. Пьянила ароматом буйно цветущая сирень. Нарядно, в кружевных белых колокольцах соцветий раскидисто возвышались вдоль аллей благоухающие каштаны. И море цветов! На газонах, на клумбах, в руках, на гостеприимных столах хлебосольных хозяев, выставленных перед импровизированными куренями в парке.

Мощные динамики разносили над площадью и парком голоса выступающих. Говорили о великом предназначении Слова, о просветительском подвиге Святых братьев Кирилла и Мефодия, о великой славянской

и русской словесности, о братской Адыгейской литературе...

Мы говорили о многовековой культуре, о жертвенных исторических испытаниях наших народов, и тут как бы заново обзрели и осмысливали нашу общую историю и ту художественно-историческую панораму Кавказской войны, которая отображена в романе Исхака Машбаша «Жернова».

Говорили и о сегодняшнем дне, о том, что волнует нас всех.

Полные тревоги за завтрашний день, душевной боли за будущее своих детей звучали слова из уст участников празднества. Мы говорили о беспределе, о неслыханном ограблении нашего народа, о глумлении и обмане, творящимися в нашем доме, мы говорили о многом, всех нас волнующем, трагичном, и, тем не менее, каждый из нас заключал свои откровения верой в лучшее, призывами к единению, к братству и дружбе всех народов России, Кубани и Адыгеи.

Помню, меня особенно тронуло и даже поразило выступление Исхака Машбаша. Жаль, что дословно не могу его привести. Жаль. Но помню, я слушал и восхищался проникновенностью и глубокой мыслью его слова. Каждое из них было выверено, взвешено и наверняка отобрано. Он говорил не по бумажке, чётко и твёрдо, поразительно искусно владея русским языком и словесным его богатством. И в том, что и как он говорил, чувствовался незаурядный ум человека, наделенного мудростью и даром мыслителя.

— Если семья теряет отца или мать, брата или сестру — это горькая и невосполнимая утрата. Большая беда. — Обращался Исхак Машбаш к многочисленным гостям и жителям Отрадной. — Таким же несчастьем, большой бедой для меня явилось насильственное разобщение нас, нашей великой братской семьи. Но я верю, — продолжал он, — придет тот счастливый день, когда все мы опять будем вместе.

Волнующе, с болью в душе говорил он о предательском развале Союза, о творящемся разоре нашего общего дома, о постигшей весь братский народ тяжкой беде. И вселял надежду, что силы добра, узы братства одолеют зло. И люди отзывались ему дружными и долгими рукоплесканиями, улыбками надежд и слезами на глазах. В первом ряду рыдала седоволосая женщина, уткнувшись лицом в морщинистые натруженные ладони. Вот она, трещина разлома, прошедшая через человеческое сердце...

Тогда там, на праздничном помосте, в порыве чувств я подумал, что имей такую голову нынешние правители, не постигли бы страну и народ катастрофические события.

Исхак Шумафович говорил, как проповедник. Он обращал мысль людей к тому, что Бог сотворил Землю для всех людей, а значит, в равной степени предназначил ее блага для каждого из нас человека. Земля и все на ней сотворенное Всевышним вполне позволяет людям создать для себя счастливую жизнь. Для этого необходимо лишь стремление каждого к Добру. И тогда силы зла никогда не восторжествуют.

Конечно, он говорил намного ярче, нежели я здесь пишу. Да, да, об этом он говорил: слыше нам дано всего вдоволь. Хватит всем солнца, воздуха, земли, воды. И нет причин для розни, и что дружба всех наших народов должна длиться, не иссякая, как тепло и свет солнца, как воды Кубани и Урупа. Он говорил, что за время единения России с Кавказом образовались тысячи, миллионы родственных связей народов самых различных национальностей, и эту родственную новую кровь теперь никакими войнами и междоусобицами не разъединить. Мы стали братьями навеки. Наше будущее одно на всех, как Уруп и эта земля. Как небо и солнце над нами.

Ещё поднимаясь на помост, я заметил среди почётных гостей Хамида Беретаря. Он стоял рядом с Исхаком Машбашем. Увидел я его и обрадовался необыкновенно. А после официальной части тут же на помосте поспешил к нему. Встретились мы без объятий. Возможно, мне показалось, что Хамид как-то буднично воспринял нашу встречу, да и моё рукопожатие... Но я от него не отходил. Не забыл и Исхака Шумафовича поздравить с новым творческим успехом. На площади, красочно убранной, в празднично наряженном парке уже разгоралось веселье. Под тенистыми каштанами, благоухающими обильным молочным цветением, разместились курени и куренцы, импровизированные казачьи подворья.

За листьями, за плетнями столы ломились от пахучих и аппетитных блюд. Всего тут хватало: и разносолов, отдающих укропом и листом лавровишни, и аппетитно щекокущего, дразнящегося жаркого, и всякого пареного, да вареного. И на каждом столе чарки, различная посуда с закусками, а в центре интригующе возвышаются откуда-то добытые четверти, традиционного закупоренные кочерыжкой обрусенного кукурузного кочана. Угощение — бесплатное.

А вокруг всё более занималось веселье. Станичные задорные частушки, зажигательно-вихревые кавказские пляски, звонкие струны, голосистые переборы гармоник...

Утром я выехал натошак и к этому времени изрядно проголодался. К тому же запахи жареного, ароматы печёного ещё более усиливали ощущение пустого желудка. А тут пёстро разнаряженные хлебосольные да улыбочивые казачки радушно приглашают к праздничным столам.

Сколько лет я мечтал встретиться с Хамидом! Сколько времени... Прикидываю в уме, получается почти сорок. Тридцать семь лет минуло, как расстались мы в Майкопе. Теперь он известный поэт.

И вот я с ним рядом. Он — справа, напротив Исхака Шумафовича.

После первой чарки, скромно закусив, я быстро захмелел. Стал раскованней, и, полный радостных чувств от встречи и вот такого желанного общения, был не в силах молчать.

— Знаете, Исхак Шумафович, — обратился я к Машбашу, — Хамид фактически мой крестный отец в поэзии. Ему я принес первые стихи, и он их опубликовал.

— Знаю, знаю, — улыбался Исхак Шумафович.

— Мы об этом говорили, — продолжил Хамид. — Когда я тебя увидел, сказал Исхаку: вспомнит? подойдет? И ты подошёл.

«И ты подошёл» — было сказано им тепло, по-дружески. Выходило, и ему было не безразлично прошлое наше общение, пусть даже и не продолжительное.

Хамид, Хамид... То были одни из лучших дней моей не безоблачной юности. И как я мог забыть о них, о тебе. Жаль, не удержал я после узы дружбы, закатилила меня жизнь...

«...И ты подошёл», — тихо сказал Хамид, мечтательно глядя перед собой. И сам взял графин... Возможно, и ему вспомнились те давние годы, далекая и прекрасная молодость.

Я видел, что ему приятно, и уютно в нашем маленьком обществе, в прохладе и тени густо-зелёных каштанов и лип. Чуть позже, за этим же столиком, перед следующей чаркой он скажет:

— Мне-то, Саша, и пить нельзя. Печень... А потом такое обреченное:

— Я на это смотрю философски...

...Меж тем почётных гостей уже приглашали в соседствующий с площадью ресторан, на второй этаж. Но и за длинным столом продолжали говорить всё о том же: о дружбе и единении народов нашей кав-

казской семьи. Воистину, у кого что болит, тот о том говорит. Мы говорили о своём наболевшем. Нас волновало, тревожило наше будущее. Будущее наших детей и внуков, будущее нашего общего дома. Это было самым наболевшим и жгучим в умах и душах всех участников братской встречи.

И здесь, этой запрограммированной, неофициальной частью праздника управлял Петр Придиус. Теперь в нём еще более обозначилось право хозяина. Надо отдать должное, управлял он течением нашего братского застолья довольно-таки умело и вдохновенно, тонко учитывал национальные традиции присутствующих. И за это снискал душевную благодарность всех гостей в завершении тёплого и искреннего общения.

Тут же Придиусом, являющимся атаманом станицы Бесстрашной, были вручены, в числе других, Дроздову и мне свидетельства о зачислении нас почетными казаками бесстрашненского куреня. Это событие, совсем неожиданное для меня, тронуло и порадовало. И в какой-то степени удивило. Дело в том, что в наших отношениях, как мне казалось, Пётр Ефимович выдерживал ко мне некую дистанцию. А может, правильнее будет сказано, что у нас не было никаких отношений. Мы фактически не были раньше знакомы. Наши пути не сходились и не пересекались, хотя, как оказалось, по некоторым путям, но в разное время мы все-таки оба проходили.

Я родился в глухом поселке среди ковыльных кустанайских степей. Там же, в тех местах, гораздо позже, на казахстанской целине, работал Пётр Ефимович. Сначала редактором городской газеты, а затем собкором Казахского республиканского радио по Кустанайской области.

После семилетки, которую я окончил на «отлично», тётя Поля, родная сестра матери, по своему усмотрению отправила документы в лесной техникум. Как отличника, меня приняли без вступительных экзаменов. А я мечтал стать моряком, хотя бы на речном флоте. Очень уж нравилась форма, и то, что связывалось в моем понимании с именем моряка: храбрость, крепкая дружба, взаимовыручка. Манила романтика моря и странствий. Но мечта детства не сбылась. Не стал я и лесником. На втором году учебы профиль техникума изменился, учебное заведение было передано министерству сельского хозяйства. И для меня определился профиль сельского механика.

Таким образом, с 1954 по июнь 1958 года я учился в Майкопе. Затем по направлению уехал на кубанскую целину — осваивать приазовские плавни. Позже, в 1968 году в Майкоп приехал Придиус, где работал заместителем главного редактора газеты «Адыгейская правда». Той самой, которая с легкой руки Хамида Беретаря опубликовала мои первые юношеские стихи.

И вот уже два десятка лет живём в одном городе.

Несколько прозрачней, можно сказать, ближе, наши отношения стали буквально в последнее время, чуть более года назад. И когда, приступив к этому материалу, я как-то разговорился с Придиусом, то у нас по Майкопу кроме Беретаря и Машбаша обнаружилось еще некоторые общие знакомые, в том числе Резников, Баладжиян, Плескачевский. Последних двоих я знал только в лицо.

Но говоря о прежних наших отношениях с Придиусом, указывая на некоторую дистанцию в наших отношениях, как мне казалось, установленную им по отношению ко мне, ради справедливости хочу отметить следующее. Всякий раз, когда я заходил в приемную главного редактора «Кубанские новости», ни разу не выжидал приёма под дверьми. Возможно, это происходило случайно.

(Окончание на стр. 5)

ПАМЯТЬ НАРОДНАЯ

Валентина Многолетняя
(Сочи)

ПОДАРОК С ФРОНТА

Посвящается сестре
Надежде Сергеевне Ломейко

Окончилась война, и демобилизованные фронтовики возвращались домой в свои семьи. Шел 1946 год. Адлерский маленький привокзальный перрон, шумный и многолюдный, постепенно утихал, расходились встречающие. Но стоявшая поодаль состава девочка не собиралась уходить. Она грустно и тревожно всматривалась в толпу и вдруг подошла к вагону. Это была я, дочь солдата, возвращающегося с фронта.

— А мой папа еще не вышел? — растерянно и слегка неуверенно обратилась я к проводнице.

Внутри вагона кто-то хриплым голосом спросил:

— Лиза, что девочке надо, денег? Дай ей мелочи!

Проводница внимательно посмотрела мне в лицо, на босые мои ноги, на чистое платье, аккуратно уложенную косичку и медленно покачала головой, (не тот, мол, случай), а вслух произнесла:

— Тебе денег надо?

— Нет, нет, я папу встречаю, он с фронта не вернулся ещё? — меня душили слезы, першило в горле.

Проводница Лиза прижала меня к себе и уверенным голосом тревожно произнесла:

— Приходи, детка, завтра, может быть завтра приедет твой папа!

А в душе, наверное, подумала: «Каждому хочется отца, а где их всех взять, ведь возвращаются-то не все?»

— А как звать тебя?

Понуро опустив голову, я тихо ответила: — Папа называл меня Волчком, это так, понарошку. А зовут меня Валюшей.

Пятки мои засверкали по сырой, холодной земле.

— Я завтра приду! — крикнула на бегу, и эхо упрямо повторило мои слова:

— Я приду, приду!

Но на завтра всё изменилось. Рано утром следующего дня услышала я с улицы голос соседки:

— Валюша, батька-то ваш вернулся, живой, радость-то какая! — крикнула тётя Нюра через калитку.

Я выбежала из дома, маленькая, в ситцевом платице, которое мне бабушка перешила из своего старенького.

— Папа, папочка!

Я увидела его, шедшего по обочине дороги в солдатской форме, кирзовых са-

погах и пилотке, которая очень шла к его счастливому молодому лицу. В руках его был небольшой дорожный рюкзак зеленого цвета, свернутый вдвое, почти пустой. Но я почувствовала, что в нем что-то есть.

Он взял меня на руки, а я теребила его волосы, трогала медали и объясняла, что уже перешла во второй класс. Мы вошли во двор нашего старенького дома, который строил дедушка Ермолай, остановились под сливой, где за столом пряталась моя маленькая сестренка Наденька. Ни на

Этих конфет сейчас уже не найдёшь. И помнят о них только люди старшего поколения и мы, дети войны.

Конечно, конфеты произвели своё действие на сестру.

— Наденька, конфеты! — прошептала я с восторгом. Малышка выглянула из-за дерева, и её испуганные глазёнки засияли. Потихоньку, бочком, она подошла к столу. Своей крохотной ручонкой отломала кусочек, потом потянулась другой рукой. Её маленькие худые пальчики так крепко сжали в

пункты Европы прошёл со своей пушкой, которую называл «боевой подругой».

В послевоенный период жизни он частенько сидел на ступеньках нашего дома в окружении родных, брал в руки свою фронтовую любимую гармонь и уходил мыслями в прошлое. Вспоминал, как был неразлучен с ней всю войну, пел нам. Вспоминая, как после боя, собравшись немного передохнуть, солдаты поминали погибших товарищей, с грустью и болью прощались с ними навсегда. Пел, поднимая патриотический дух у живых.

Через реки, горы и долины,
Сквозь пургу, огонь и чёрный дым
Мы вели машины, объезжая мины,
По путям-дорогам фронтовым...

И голос его, задрожав, замолкал на время, по щекам текли непрощенные слёзы. Не от горя, а от радости: ведь от счастья тоже иногда появляются слёзы...

А когда подошла старость, отец стал терять зрение, память стала слабеть, и в то время он просил меня рассказать о старых его воспоминаниях, потому что сам стал многое забывать. Он очень любил вспоминать о том, что жители других стран их встречали дружелюбно, как освободителей.

Прошли десятки лет. Наша страна отметила семьдесят вторую годовщину Великой Победы в Великой Отечественной войне.

Отец мой Сергей Исидорович умер в возрасте семидесяти лет. Недавно не стало и моей сестры Надежды Сергеевны Ломейко, но я и сейчас иногда вспоминаю о страшном времени войны и радостных днях Победы. Этого никогда не забыть.

Вспоминаю и о дорогих сердцу конфетах, которые привез нам папа Сережа, где он их приобрёл — осталось тайной.

Он привёз с фронта не только сладости для своих детей.

Он, как и сотни тысяч солдат советской Армии, привёз своей стране Победу над фашизмом. За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов Указом Президиума Верховного Совета СССР мой отец Арканья Сергей Исидорович был награжден Орденом Отечественной войны второй степени и многими другими военными наградами Великой Отечественной войны.

какие уговоры она не поддавалась и не подходила к папе, она увидела его впервые. И только изредка из-за дерева появлялись то её маленький носик, то острый глазок, и маленькие, худенькие пальчики, прильнувшие к дереву.

— Папа, а что у тебя в рюкзаке? — спросила я, не сдержав своего любопытства.

Он уже думал совсем о другом, о будущей своей жизни и забыл о рюкзаке, но мои зоркие глаза полугодовалого ребенка, пережившего все ужасы военных лет, внимательно следили за рюкзаком.

— Что там, ну что? — узнать не терпелось и казалось, что эта неизвестность не откроется никогда. Но папа быстро подошёл к столу и развязал рюкзак. В небольшом обрывке старой помятой газеты лежал кусочек слипшихся конфет-подушечек с повидлом внутри, которое уже наполовину вытекло.

кулачок эту сладость, что казалось разжать его, не смогла бы никакая сила.

Повернувшись ко мне, она сказала: «Валю, бери!». Если бы вы знали, сколько затаенной радости было в этот момент в её голосе. Я оглянулась. В свёртке конфет почти уже не было.

Папа взял дочурку на руки и прижал к себе. Отец стоял и плакал от счастья, что окончена война, что он вернулся домой к своим дорогим детям и видит их. Пусть они худенькие и голодные, неприглядные на вид от пережитых страхов и недоедания, от взрывов бомб над Адлером и страшных пожаров, но время всё исправит, главное, что они живы и будут счастливы. Он их защитил. С фронта отец вернулся израненным.

От Адлера до Берлина прошёл в пехотных частях Венгрию, Болгарию, Польшу, Югославию, Австрию. Города и населённые

К 70-ЛЕТИЮ КРАЕВОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

(Окончание. Начало на стр. 4)

Тактично, со вниманием он всякий раз выслушивал меня и тут же, не развивая диалог, решал мои вопросы. Принимал материалы, и всегда наделял льготной подпиской на газету.

Насколько помню, то, что я ему приносил для публикации, фактически всё доходило до страниц газеты. Может и зря бывал я у него очень редко, и приносил скучные странички из своего написанного. А может и лучше, не знаю.

В то время он уже являлся членом Союза писателей России. Вступление в эту почетную организацию было долгой и тягостной морочкой. И я удивлялся, как ему удавалось по этому поводу сохранять выдержку и спокойствие. Сам приём тоже мне запомнился. В то время по рекомендации

Логинова я вновь работал в писательской организации литконсультантом. После Зубенко, как и уже отмечал, ее возглавлял поэт Сергей Хохлов, автор любимой селянами, да и всеми кубанцами песни «Кубанские синие ночи». Я быстро привык к нему, даже испытывал симпатии: человек вышел, что называется из гуши народной, из простых рабочих, с глубокими русскими корнями. И по духу русский.

Как-то вручил он мне приемное дело Придиуса и стопу книг автора, с которыми надлежало знакомить писателей до собрания. Давать им на прочтение. На прием в Союз писателей Придиусу дали рекомендации известные писатели А. Д. Знаменский, Г. Л. Немченко и поэтесса В. Г. Саакава. Повторюсь, рекомендовали люди авторитетные в литературе, и,

казалось бы, их рекомендации будут достаточной порукой, что за Петра Ефимовича проголосует подавляющее большинство. Тем более о приеме его в Союз писателей России положительно говорили с Хохловым немало других писателей, как я знаю, в том числе Лихоносов, Бойко, Канашкин, Обойщиков, Иваненко, Варавва...

Куда ещё больше авторитетов? И тем не менее, к тому времени уже дважды на приёмных собраниях кандидатура Придиуса проваливалась.

— Понимаешь, — огорчённо говорил мне Хохлов, — они меня уговаривают принимать в Союз Придиуса, а сами его вычеркивают. Когда же приносят в газеты свои рукописи, каждый клянется ему в верности, а меня рисуют главным саботажником приёма. Им выгодней подольше его не

принимать, чтобы он их чаще и безотказно печатал. Ну, ничего... На следующем собрании опять поставим этот вопрос... Но уже по-другому.

Слова «Ну, ничего...» и «по-другому» меня несколько заинтриговали своей интонацией и недосказанностью.

И вот на следующем собрании Хохлов совершенно неожиданно для всех предлагает приём в члены Союза писателей СССР Петра Ефимовича Придиуса провести открытым голосованием. Он откровенно сказал, что не намерен более слышать всякие измышления о его противлении этому вопросу. Подчеркнул, что сейчас, когда демократизируется общество и расширяются права на местах, юридически будет верен такой шаг первичной организации. Надо только вначале проголосовать о том, чтобы приём кандидата проводить открыто — простым поднятием рук.

Это предложение одних озадачило, других ввело в сомнение. После непродолжительной дискуссии определились прием проводить все-таки тайным голосованием во избежание недоразумений выше. То есть, в Москве. Эту мысль высказал в самом начале обсуждения предложения Хохлова пользующийся непререкаемым авторитетом Анатолий Дмитриевич Знаменский. Другие выступавшие поддержали его, и призвали голосующих не лицемерить.

С этого, уже третьего «захода» Придиус наконец был принят собранием в члены СПР. Но как он вспоминает, и в этот раз без лукавства не обошлось. Всё было на грани, судьбу приёма решил один голос.

ПРОЗА

После того, как ее не стало, прошло семь лет. Я жил и работал в небольшом городке, если, конечно, это можно было назвать жизнью и работой. Каждое утро, не открывая слипшихся век, я находил под теплотрассой оставленную с вечера чекушку водки, залпом осушал ее и, только обливав последние капли, протирал глаза и шел на работу. Работа грузчика на железнодорожной станции была нелегкой, но это было даже хорошо: чем больше водки и тяжелой работы, тем быстрее все закончится. Просыпаясь, каждое утро я сожалел только о том, что очередная ночь не стала последней, как хорошо было бы уйти во сне, не прощавшись с ненавистным мне миром. Но, несмотря на алкоголизм и сотню терзавших мое тело болезней, я все еще жил. Тысячи дней и ночей прошли с того рокового дня, но океан горя и боли, в котором я плыл все это время, не уменьшился ни на каплю. Наступление каждого нового дня предвещало только одно – новые страдания. Я стал ненавидеть восходящее солнце, я полюбил мрак, состояние забвения, небытия. Только в глубоком хмельном сне я не испытывал душевной и физической боли. Смысл моей жизни свелся к одному – приблизить смерть. С каким бы наслаждением я перерезал себе горло и разом прикончил терзавшие меня страдания, но Лейла... Во мне все еще жила надежда.

Я редко покидал территорию железнодорожного вокзала, а в тот вечер отправился с незнакомой компанией в городскую забегаловку, чтобы продолжить начатую в буфете попойку. Как в таких случаях водится, что-то кому-то не понравилось, и началась пьяная драка, бессмысленная и беспощадная. В пьяной драке, как правило, сначала бьют обидчиков, а затем уже все вместе бьют чужаков. К тому времени, как нашу дерущуюся компанию вытолкали на улицу, пришло время второго действия, а так как единственным чужаком оказался я, то все бросились на меня и наверняка забили бы, но возле забегаловки меня, как всегда, дождался мой верный пес.

В суматохе я не увидел, как один из нападавших достал нож, и только когда Тохар заскулил, я понял, что его ранили. Не знаю, что отрезвило нападавшую толпу, то ли кровь, залившая асфальт, то ли угрозы жильцов соседнего дома вызвать наряд милиции, но через несколько секунд все кончилось. Когда я взял Тохара на руки, он задрожал и взвыл от боли. По всей видимости, рана была серьезная, и нужно было как можно быстрее оказать ему профессиональную помощь. Тохар скулил и вздрагивал, оставаясь на асфальте кроваво-красный след, а я несся через тротуары, дороги, перекрестки, не обращая внимания на светофоры и пронсящие мимо автомобили. Ветеринарной клиники в городке не было, но поблизости располагалась больница, и там наверняка был дежурный врач. Ворвавшись в приемный покой, я растолкал плохо соображавшего со сна доктора и, опустившись на колени, протянул ему золотой браслет.

Когда мы уходили в поход на Москву, Лейла сняла браслет со своей руки и дала его мне как оберег. Это была единственная вещь в мире, которую я не мог пропить и которая всегда находилась при мне.

– Это настоящее золото. Доктор, умоляю, спасите пса!

Не знаю, что подействовало на дежурного доктора, но он не только не вытолкнул алкаша с истекающей кровью собакой, но и, не мешкая, распорядился подготовить операционный стол. Пока шла операция, я сидел в приемном отделении и, вспоминая нашу с Тохаром жизнь, наконец-то понял: все эти годы он заботился обо мне. Собака заботилась о человеке, а человек упивался своим горем. Что же это происходит в моей жизни?! Самая большая боль в мире – непременно моя, в утешении и заботе прежде всего нуждаюсь опять же я. Впервые мои собственные боль и страдания вызвали не жалость к себе, а отвращение.

Тем временем из помещения, где проходила операция, вышел уставший доктор. Взглянув в его глаза, я понял – Тохар жив.

– Я удалил часть кишечника и зашил рану. Вот, возьми эти ампулы и шприцы, каждый вечер будешь делать ему один укол. Пес потерял много крови, если этой ночью не помрет – будет жить, больше я ничем помочь не могу. Да, и возьми это, – доктор

Имя кубанского прозаика Станислава Терпигосова известно пока еще лишь в узком кругу литераторов. Но его первый роман «Гурджи» уже готов отправиться в плавание, словно боевой корабль, сошедший со стапелей. Сравнение с кораблем не случайно, ведь герой романа, Артур Гурджи, в конце 80-х служил на флоте, в то время, как в стране воевсю хозяйничала «перестройка». После демобилизации Гурджи с нуля построил процветающее предприятие, но вскоре у него всё отняли... И вовсе не рэкетеры, а коррумпированные чиновники, которые между собой презрительно называют нас «житроссами» – жителями России. Терпигосов глубоко убежден в том, что за честь и свободу нужно бороться. Преодолев тяжкие испытания, познав с помощью Высших сил устройство мироздания, несгибаемый Гурджи обретает счастье...

Людмила Бирюк,
член Союза писателей России

Станислав Терпигосов

ГУРДЖИ

(Отрывок из романа)

протянул мне золотой браслет.

– Но у меня больше ничего нет, мне нечем заплатить.

– Ну вот ничего и не надо, – доктор устало опустился на кушетку и закурил.

Мне показалось, он каким-то образом почувствовал, что меня связывает с этим браслетом. И эта чужая связь оказалась для него дороже, чем золото, из которого он был сделан.

На обратном пути я шел осторожно, стараясь не причинять боль Тохару. Добравшись до нашего жилища, я уложил его на свою кровать, если так можно было назвать настил из досок, покрытый старым матрасом. Тохар неподвижно лежал на левом боку и едва слышно скулил. Это была самая длинная ночь в моей жизни. Помня слова доктора, я прислушивался к дыханию пса и умолял солнце скорее взойти и наконец-то прикончить эту нескончаемую ночь. Под утро Тохар неожиданно открыл глаза, с трудом приподнял голову и посмотрел на меня своими добрыми, умными глазами. Через мгновение его не стало, он не дождался рассвета всего несколько минут.

Вечером того же дня я вышел на железнодорожный путь в месте, где из-за поворота выскакивает скорый пассажирский поезд. Нужный мне состав должен был появиться через несколько минут после захода солнца. Машинист, конечно же, заметит человека на путях, но вот затормозить уже не успеет. Прости меня, Лейла, знаю, что самоубийцы попадают в другой мир, и теперь мы никогда не будем вместе. Я не выдержал этой страшной пытки – жить без тебя. Да, это предательство, и ты бы со мной так не поступила, но у меня больше нет сил терпеть! Я больше не хочу любви, я хочу покоя. Прощай!

Впереди раздался гудок приближающегося поезда – вот и долгожданное освобождение. Прожектор локомотива мощным лучом разрезал надвигающиеся сумерки, состав приближался к повороту. Я поднялся на насыпь. Как встречать смерть: положить голову на рельсы, как на плаху? Нет, в этом было что-то унижительное! Я встал в полный рост, посередине железнодорожного полотна, лицом к приближающемуся поезду. Единственное неудобство доставляли руки, они мешали, и я никак не мог найти, куда их девать. Вот в лицо ударил свет прожектора, значит, поезд вышел из поворота. Локомотив взревел тревожным гудком, я посмотрел вперед и ничего кроме яркого света не увидел. Вот он, последний свет в начале бесконечного тоннеля тьмы. В конце концов, каждому свое. Земля вокруг задрожала и стала переворачиваться, больше я ничего не почувствовал...

После моего чудесного воскрешения прошло две недели. Я лежал на больнич-

ной койке и, перебирая подробности того рокового вечера, никак не мог вспомнить какое-то важное обстоятельство. Что-то давало мне надежду, что-то мешало выкрасить все события того вечера в сплошной черный цвет. Мои тяжелые воспоминания прервала медсестра, сообщив, что ко мне посетитель – машинист того самого поезда. С одной стороны, любопытно было на него взглянуть, а с другой – я испытывал неловкость.

Как только он вошел, моя неловкость тут же исчезла, в палате сделалось светло и покойно. У него были сильные рабочие руки, крупные черты лица испещрены глубокими морщинами, а седые волосы на большой голове аккуратно уложены. Несмотря на светлые, умные и немного грустные глаза, которые больше подошли бы писателю или философу, смотрелся он как-то целостно и органично. На вид ему было лет шестьдесят, и походил он на Деда Мороза в отставке. В нашей палате стояло пять коек, и все они были заняты, не знаю, узнал ли он меня, но, окинув взглядом палату, сразу направился в мою сторону.

– Здравствуй, сынок.

Обычно подобного рода обращения из уст постороннего человека резали мне слух, но в этот раз я ничего такого не почувствовал, обращение прозвучало неформально, было заметно, что он переживает за меня.

– Здравствуйте, – я сел на кровати, – у вас, наверное, были неприятности из-за меня?

– Нет, что ты, не беспокойся, я действовал по инструкции, и ко мне никаких претензий нет.

Он принялся доставать из сумки какие-то свертки, банки, а заметив недовольство на моем лице, попросил:

– Ты, пожалуйста, не отказывайся, готовлю я хорошо, вот тут куриный бульон, паровые котлеты, а здесь отвар целебных трав, это поможет тебе быстрее набраться сил.

– А для чего мне силы, до железнодорожного полотна я как-нибудь доберусь.

– Ты прости, что я вмешиваюсь, но так нельзя, у тебя с ней все еще может измениться.

После того как не стало Лейлы, я никогда и никому не рассказывал о нас.

– Откуда вы о ней знаете?

– Я о ней ничего не знаю, вот это было в твоей руке, когда я нашел тебя там, у насыпи, – он протянул мне золотой браслет.

Комок подкатил к горлу. «Предатель», – подумал я о себе.

– У нас ничего измениться не может, она погибла семь лет тому назад.

Он склонил свою седую голову и после длительной паузы заговорил.

– Наверное, я должен сказать, что жизнь продолжается и у тебя еще будет новая се-

мья, а время вылечит раны. Но я не стану этого говорить, потому что люди разные, для кого-то все именно так, а для кого-то иначе.

Больше тридцати лет назад при родах умерла моя первая жена. Мы прожили вместе один год, один маленький счастливый год. Танюше было всего двадцать два года. Мне говорили, что жизнь продолжается, что будет у меня новая жена, дети и со временем все забудется. Прошло тридцать лет – не забылось ничего. Второй раз я женился спустя два года на красивой, доброй женщине, мы прожили пять лет, пока я не понял, что обманываю ее и себя. С тех пор я уже не пытался создать семью, конечно, были какие-то женщины, встречи, но я до сих пор один. Может, мой рассудок помутился, но, в отличие от тех пяти лет в браке, сегодня, живя один, я меньше страдаю от одиночества. Татьяна, моя первая жена, теперь всегда со мной. Мы часто разговариваем, и, когда бывает, что навалившаяся тоска совсем не дает вздохнуть, она поддерживает меня. А недавно я почувствовал, что ждать осталось совсем недолго и скоро мы снова будем вместе. Я, конечно, всего не знаю и многого не понимаю, но мне кажется, что любовь больше, чем этот мир. И если что-либо невозможно в этом мире, то это вовсе не значит, что этого не может произойти никогда. Да и от человека многое зависит: что для одного чудо, для другого осуществленная вера. И еще, ты не пей больше, мало ли что, жизнь может преподнести тебе подарок, а ты окажешься не готов его принять. Человек не вправе требовать для себя исключительности, но он вправе ее создавать, а кроме того, человек должен быть достоин желаемого.

– Я не заслуживаю подарка от жизни, я предатель. Вы же за тридцать лет под поезд не бросились, а я и семи не выдержал.

– Ты выдержал.

– Как выдержал, о чем вы?

– Что же ты всерьез думаешь, что можно остаться живым, бросившись под поезд? Ты разве не помнишь?

– Что я должен помнить?

– В последний момент ты попытался отскочить, это тебя и спасло, вот я и решил, что ты передумал умирать, а стало быть, и предавать.

Вот оно белое пятнышко, вот то, что я никак не мог вспомнить, я не предатель, Лейла, я не спасенный самоубийца, я не самоубийца вовсе!

– Ты вот что, как выплывешь из больницы, приезжай ко мне погостить. Двести километров отсюда наша узловая станция, там я и работаю машинистом. Места у нас живописные: березовый лес, рядом речка, на рыбалку будем ходить. Вы возьми, – он протянул мне листок из записной книжки, – здесь мой адрес и телефон, только обязательно приезжай.

– Спасибо за приглашение, только вот на машиниста вы не очень похожи?

– До того как умерла Танечка, я преподавал в университете философию, кстати, она была моею студенткой. Если уж на то пошло, то и ты на типичного грузчика не тянешь.

Только провожая машиниста к выходу, я заинтересовался его именем. Станным было даже не то, что это не пришло мне в голову раньше, а то, что данное обстоятельство никак не затруднило нашего общения. Прощаясь с Павлом Петровичем, мы крепко обнялись и расстались уже не чужими друг другу людьми.

Через три недели на утреннем обходе Яков Самуилович сообщил, что я практически здоров и на следующий день меня выпишут. Таким образом, в больнице предстояло провести последнюю ночь. Вечером я попросил дежурную медсестру разрешить мне сделать один звонок со служебного телефона. Я звонил Павлу Петровичу домой, сначала долго слышались протяжные гудки, а затем трубку подняли, и на мое приветствие мужской голос ответил:

– Нет, это Алексей Петрович, а брата уж две недели как хоронили.

Я машинально опустил трубку на телефонный аппарат – неожиданное известие меня сразило. Вдруг возникло ощущение потери очень близкого человека. Я попросил дежурную медсестру сделать мне укол снотворного. Ложась спать, первый раз в жизни я знал наверняка – ночью мне обязательно приснится сон...

ПОЭЗИЯ

Худякова Ольга

(Тихорецк)

Я ВЕРНУСЬ

Не вспоминайте обо мне
ни полушёпотом, ни взглядом,
то время, что была я рядом,
запорошит мельканье дней.

Я по нехоженой тропе
уйду в сиреневую чашу
и, может, стану настоящей,
ни в чём не изменив себе.

Там, у заросшего ручья,
стоит избушка одиноко
и ждёт – в одно из тёмных окон
вдруг кто-то стукнет невзначай.

В ней поселившись, стану я
гадать про возраст по кукушке,
чтоб раньше времени старушкой
душа не сделалась моя.

И мысль опять возьмёт разбег,
а в городе, что словно в латы
одетом в камень – там крылатой
не стать, наверно, ей вовек.

И в тишине, закрыв глаза,
я стану слушать пенье ветра,
и будет вечер незаметно
котёнком краски дня лизать.

С ветвей отряхивая грусть.
Там к ней так просто прикоснуться,
оттуда можно не вернуться...
Но я стихами к вам вернусь.

И ОСЕНЬ, КАК И Я, УЖЕ НЕ ВСПОМНИТ

Когда любовь закончится вничью,
перебирая фразы, как доспехи,
он в никуда торопится уехать,
а я скорей забыть его хочу.

Бледнея, тает летних дней курсив,
и больше не случится потрясений,
и будет дождь прощенья на коленях,
как старый друг у осени просить.

Из серого тумана плащ надев,
ненастьем вечер будет обезличен,
но осени забытая античность
наполнит позолотой новый день.

И словно бы душе прибавит сил,
расцветивая сумрак тихих комнат,
и осень, как и я, уже не вспомнит,
о чём же дождь вчера её просил...

* * *

Стихов причудливая вязь
тебе поведаёт о многом.
Быть может, у поэта связь
с Вселенной, Музой или с Богом?

А, может, с теми, кто ушёл
в туман, где звёзд переплетенье,
с их поэтической душой,
сюда слетевшей на мгновенье.

Они хотят нам рассказать,
что не успели и невольно
мы вновь берёмся за тетрадь,
незримой вдохновляясь ролью.

Неважно, ночью или днём –
ложатся строчки, как узоры.
Настанет день, и мы уйдём
на те, вселенские просторы.

Туда, где времени часы
в холодном сумраке застыли,
за край закатной полосы,
накинув плащ из звёздной пыли.

Но так захочется опять
вернуться, спеть, что не допели,
чтоб полетело время вспять
на бесконечной карусели.

Мы разрешим душе упасть
на землю, чтоб сказать о важном,
и вновь причудливая вязь
возникнет на листе бумажном.

МАТЕРИНСКОЕ ГОРЕ

Поезд тёрся о рельсы
и урчал монотонно.
Вечер путником грелся
в полусонном вагоне.

Люди строили планы,
пили чай и дремали,
грыз задумчиво пряник
у окна чей-то малый.

Отгоняя усталость,
кто-то вёл разговоры,
а ещё там металось
материнское горе.

За погибшего сына,
спать мешая соседу,
мать кого-то просила:
– Вы дождитесь, я еду!

И в бездушный мобильник
повторяла, как мантру:
– Я приеду за сыном,
мне забрать его надо.

В те места, где родился
и где принял крещение,
там родная могилка
будет мне утешеньем.

В ночь, от бега хмелея,
поезд мчался упрямо,
в ночь, устало смотрела
постаревшая мама.

И стучали колёса
в неба мгlistую сырость,
где дождинки, как слёзы:
– Я приеду, дождитесь!

В ОКНЕ ИГРАЛА СКРИПКА

Сад стоял, подёрнут дымкой
то ль дремоты, то ль печали,
над прикрытою калиткой
наклонился клён устало.

Тишиной насквозь окутан,
он стоял недвижно, молча,
словно в сказке позабытой,
что рассказывают ночи.

Из раскрытого окошка
доносились звуки скрипки,
и в саду, травой поросшем,
в темноте мелькали блики.

И, казалось, полушёпот,
чьё-то лёгкое дыханье,
словно кто-то очень робко
шепчет нежное признание.

И, казалось, звуки скрипки
сад ночной околдовали,
и под клёном, у калитки
чьи-то души танцевали.

И ТОЛЬКО УГЛИ ОТ КОСТРА

Костры несбывшихся надежд,
костры утраченных иллюзий,
где наши души без одежд
слились в один саднящий узел.

Они, как будто мотыльки,
неслись на свет костра незримо,
так беззащитны и хрупки
и так пронзительно ранимы.

Любовь, сгоревшая дотла,
не сможет разгореться снова.
Смотри – осталась лишь зола,
что с ветром улететь готова.

Зачем же угли ворошить,
когда душа уж отболела,
и, словно облачко в тиши,
дым от костра растаял белый.

Нам не вернуться во вчера,
друг друга не согреть дыханьем,
и только угли от костра
алеют разочарованьем.

УКАЖИ МНЕ ДОРОГУ К БЕРЕГУ

Дай мне руку, поэт из прошлого,
где шумит прежних дней прибой.

Что мне пыль веков придорожная,
за тобой пойду, за тобой!

И откинув былого занавес,
как прозрачную кисею,
слов старинных твоих неправильность
я приму почти, как свою.

И почти как твоё дыхание
стану слушать стихов мотив.
Если что не пойму – заранее
я прошу: ты меня прости.

Прочь отброшу тоску напрасную,
чтобы снова душа – на взлёт!
Чтоб словами, как будто красками,
вновь наполнился мой блокнот.

А когда океан безвременья
захлестнёт меня с головой,
укажи мне дорогу к берегу,
где в стихах буду я живой.

ДОНЬАССУ

О чём воркуешь, горлинка,
поёшь, да только надо ли?
Дома сегодня снова нам
напичкали снарядами.

Зияют окна ранами
с бинтами-занавесками,
глаза ребят так рано здесь
становятся не детскими.

Наш дом теперь – убежище,
здесь сумерки тревожные.
На этом адском стрельбище
мы у войны в заложниках.

Как в поединке шахматном,
людские судьбы – пешками.
Здесь взрывом поле вспахано,
здесь – только перебежками.

Бьют залпами ракетными
бойцы из рода Каина.
Здесь вражескими метками –
развалины, развалины...

О чём воркуешь, горлинка,
поёшь, да только надо ли?
Сегодня снова мёртвыми
на землю люди падали.

МНЕ ПО ПЛЕЧУ

Всего-то лизнуло порошею
мне волосы возле виска,
так что же ты, милая, что же ты
легла мне на сердце, тоска?

А следом шагами поспешными
унынье ступило на двор.
Оно не простое, нездешнее,
тихонько подкралось, как вор.

Оно украдёт – с него станется,
неброские радости дня,
и с грустной песней растянется
хозяином возле огня.

Завесит сырими туманами,
как шторами, окна мои,
речами своими обманными
на ревность любовь заменив.

Оно прорастёт паутиною
во все закоулки души,
и станет казаться рутинною
совсем не рутинная жизнь.

Кому же такое понравится?
Я доли такой не хочу.
Вдвоём нам с тобою не справиться,
мне это одной по плечу.

Тебя отпускаю – ну, что же ты?
Простимся давай без обид.
Пусть снова конём растреноженным
душа над обрывом летит.

НОЧЬ

Заварила ночь хмельную брагу,
разлила медовый, лунный свет
по долинам, рощам и оврагам
на росе оставив хмеля след.

И под тёмным, в звёздах, покрывалом,
браги той попробовав бокал,
ветерок почувствовал усталость –
у окна, под вишней задремал.

А луна плывёт, и в лунном свете
всё вокруг покажется другим.
В сад шагнёшь, как будто в неизвестность –
видно, ночь поколдовала с ним.

Всё иное – дерево, скамейка,
ускользает тропка в темноту.
Я по тропке этой незаметно
к Берендею в царство попаду.

Где ночные, сказочные феи
пьют росу прохладную с цветка,
от росы я словно захмелею,
невесома стану и легка.

И ночью феей улетаю,
растворюсь в прозрачной тишине...
И проснусь, когда в окне растает
эта ночь, подаренная мне.

ДОЛГ

Я взяла у лета изумрудный шёлк,
заплатила осени золотыми в долг.
Я долги хотела оплатить сама,
только счёт закрыла белая зима.

У весны спрошу я кружева займы,
чтобы не зависеть от седой зимы.
Выплесну всю душу в эти кружева
и сошью для лета яркий сарафан.

Лето даст в подарок аленький цветок,
за него веночек мне золотой сплетёт
осень-чародейка, и его зарю
я зиме морозным утром подарю.

У ЛЮБВИ ОСОБЕННАЯ СТАТЬЯ

По молодости был такой грешок –
красивой стать хотелось непременно,
и я так часто спорила с душой,
сама себе накручивая нервы.

Казалось мне, что выгляжу не так –
в глазах зелёных блеска слишком мало.
я спрашивала: – Где тут красота?
Она и рядом, видно, не стояла!

Она прошла, должно быть, стороной,
свернув направо или, может, влево,
но помнишь, ты назвал меня, родной,
единственной своею королевой.

А ты шептал, что зелень глаз моих
тебе напоминает сад весенний,
и ты на всё готов, чтоб только в них
увидеть снова лучики веселья.

Да, у любви особенная статья.
тут зеркалу не стоит корчить мину.
Красавицей любая может стать,
когда есть рядом любящий мужчина.

* * *

Не дотянуться до мечты,
пора на землю опуститься,
где сожжены давно мосты
и обозначены границы.

Туда, где столько на потом
отложенных стихов осталось
и где синица над окном
волшебной птицею казалась.

Теперь другие видишь сны –
там края неба не коснуться,
и свет загадочный луны
ночами не зовёт проснуться.

Среди житейской суеты
судьбу, увы, не выбираем,
нам звёзды светят с высоты
осколками былого рая.

Но юность в завтрашние дни
за нас бросается отважно,
и в море гроз спасёмся мы
в её кораблике бумажном.

И, может быть, достичь звёзды
за нас сумеют наши дети,
и птицей из твоей мечты
синица станет на рассвете.

ПОЭЗИЯ

Николай ЗИНОВЬЕВ

СКВОЗНАЯ ТЕМА

(Из новых стихов)

«Всякое памятование о смерти — спасительно»

Св. Максим Исповедник

ИЗ РАННЕГО

Под глухое ворчание дворников,
Под веселое шарканье метл,
Вслед гусиным клинам-треугольникам
Листья тоже сорвались в полет.

И, сгорая в кострах круглосуточных
Средь аллей среднерусского парка,
Листья думали вовсе не шуточно:
«До чего ж в этой Африке жарко!».

СТАРАЯ КАРТИНА

Была написана картина
Сто сорок восемь лет назад:
В окне пузырится гардина,
Вовсю цветет вишнёвый сад,
В саду, смеясь, играют дети,

Синеют ярко небеса...
Сто сорок восемь лет... А ветер
Детей доносит голоса.

***

Той жизни давно уже нет:
Без боли, без смерти, без денег.
О ней вспоминает поэт
И вместе с поэтом священник.
А этот сегодняшний бред
Мы жизнью зовём не по праву,
Дурную имеет он славу,
И страшный оставит он след...

ВОЗНЕСЕНСКИЙ МОТИВ

Приближаюсь к печальному чуду,
Этот день, он всё ближе и ближе.
Я себя навсегда позабуду
И уже никогда не увижу.
Ввысь рванётся душа или в бездну,
Ощущая свободу впервые?
Её тягостный крик или песню
На земле не услышат живые?

ЭКСПРОМТ

Так всё зыбко, невесомо,
Полупризрачно и сонно,

Что исчезнет всё вот-вот,
Или же наоборот —
Не исчезнет ничего
Под старушкой Селеной?..
У незнанья моего
Нет границ, как у Вселенной.

ВЕЧНОСТЬ

Траву в раю отец мой косит,
Устанет, ангела попросит
Сменить его, а за спиной
Трава опять встаёт стеной.

В зените солнце, не садится.
Вот ангел вновь сменил отца,
Как ослепительны их лица!
И нету этому конца...

СОН

Он снится мне немало лет:
Убит наш иннок Пересвет,
Но жив остался Челубей,
Он только стал других кровей.
Русь не зовут уже Святой,
Она у бесов под пятой...
И часто мне в лучах рассвета
Приходит мысль: «А сон ли это?»

ПРОЗА

Степан Деревянко

ТАЧКА

(Новелла)

Опять весна, опять апрель и скоро Пасха. Боялся, что не доживу, но Господь милостив, а, значит, пока живой, должен о жизни думать. Решил до Светлого праздника поправить бабушкину могилку, установить на холмик оцинкованное надгробие. А то каждую весну перед поминками поправляю холмик, а он за год от ветра и дождей рассыывается и мне опять, чтоб поправить, на коленках ползать сапёрной лопаткой и ножом работать, а так поправлю раз, и надолго обряжу бабушкину последнюю «хату» в блестящий металл, цветочки посажу, и спи, бабушка, покойно. Ибо сколько мне ещё вёсен встречать? Бог весть. А внук я, по сути, один остался. Было нас у бабушки четверо, но младший уже покойный, старший одряхлел и далеко живёт, а тот, кто второй по старшинству, попал со своим селом на Донбассе в украинскую мясорубку и о нём, и о его семье ни слуху, ни духу. Выходит, один я, пристарок, остался, мне и следить за могилкой, пока ноги носят. А потом... А что потом? Всё, что будет после нас, будет уделом наших детей и внуков, и нам это неизвестно.

Так я сидел и думал у бабушкиной могилы, закончив работу. Солнце пригревало, было тепло и тихо, никого, кроме меня, на Божьем месте не было. Мир и покой царил на хуторском погосте, обсеянном со всех сторон озимой пшеницей. Лишь одна дорога к нему прорезала поле и исчезала за посадкой, спускаясь в балку. Да была ещё тропа от хутора по кладочке через ручей и напрямую через поле. Каждый год её запахивали и засевали, но люди протаптывали вновь, чтоб на поле ни росло. Потому что так ближе. Торил эту тропу и ходил по ней и я, когда на хуторе жил. Но постарел и я,

и мой хутор, однако тропа к родным могилам не заросла — хутор ещё живой. Я смотрел на хутор, на свою, а теперь чью-то хату с просевшей крышей, и от нежного апрельского солнца ощущал душевное тепло, которое так редко бывает и от которого хочется жить. И тут я увидел необычную картину: от хутора по тропе кто-то тянул тачку, в которой сидел человек. Разглядеть «кто и что» невостребованным глазом было невозможно — далеко ватно, и я решил не идти за биноклем к машине, а подождать — спешить было некуда. Через десяток минут я рассмотрел «впряжённого» в двухколёсную тачку мужика и женщину на тачке, а вскоре они были уже близко и остановились у края кладбища, где сиял на солнце мраморный памятник родителей ментовского полковника. Мужик вытащил женщину из тачки и повёл её между могил в мою сторону. Был он ещё не старый, невысокий, крепкий, с ярким румянцем на всё лицо — с нагрузкой шёл на бугор, на голове торчали в разные стороны клочки седых волос. У неё было сморщенное курносое лицо пьянчужки, а из одежды на худом теле — зановошенная нейлоновая куртка и грязное дырявое трико. Женщина ступала левой ногой, волоча правую, и держалась левой рукой за мужика, висая на нём. Правая рука, как и нога, у неё не работала. Он её держал за бок и почти нёс. Они вдвоём присматривались к памятникам

и потихоньку двигались.
— Ну, где его искать? Я ж так долго тебя таскать не смогу, вспоминай, — услышал я слова мужика, когда они подошли ближе.
— Забыла я, забыла, — плакала женщина.
— Чью могилу вы ищете? — спросил я странную пару.
— Данкина, Вити Данкина, сыночка, — ответила мне женщина не очень внятно, но понятно, и добавила, — Пришла почитать сыночка в последний раз, инсульт меня зимой разбил. Сосед вот приволок, а у меня голова ничего не помнит.
— Тогда вы так не найдёте. Посади мать, — обратился я к мужику, — а мы походим поищем.
Так и сделали: стали смотреть по рядам могил — не такое уж большое хуторское кладбище — и между кустов сирени увидели скромный памятник, сваренный из листового железа каким-то не очень умелым сварщиком, с фотографией парня в танкистском шлемофоне — Витю Данкина. По годам смерти выпала Чеченская война.
— Был водителем бронемашины пехоты, подорвался на фугасе. Один он у неё был, — сказал потирая клочковатую шевелюру мужик.
— А ты ей кто? — спросил я.
— Сосед.
— И как же вы живёте, вместе?
— Да нет. Просто помогаю ей. Еду варю какую-нибудь — она ж ничего не может, кормлю, пою. Грядку вот и свою, и её поса-

дил. Может, очухается, она не старая, так хоть картоха будет.

— А сам одинокий?
— Одинокий, — вздохнул он, — Так получилось. А Витка её хороший был, добрый, работающий, на тракториста перед армией выучился.

— А мать потом завила?
— Было такое, — сказал он в раздумье и добавил, — Да разве не заплёшь?

— Чего там, нашли сыночка? — услышали мы женщину.
— Нашли, — ответил мужик, — счас приду, — и мне, — А ты хуторянин?

— Да, но давно уехал отсюда, и приехал на могилу к бабушке, — ответил я.

— А по фамилии как?
Я назвался.
— Не помню таких, — ответил он.

— В крайней хате жил, — пояснил я.
— Не помню, там обитает теперь какая-то шаболда из станицы.
— Что ж поделаешь, я вас тоже не помню, и о Вите Данкине узнал только теперь. Дай вам Бог здоровья.

Мы кивнули друг другу, толком не познакомившись. Мужик повёл женщину к могиле сына, а я отнёс им кулёк, чтоб помянули бабушку, и стал собираться домой. Укладывал инструменты в багажник и слышал надрывный, сбивающийся на вой плач.

Проехав весь хутор и выбравшись с грунтовок на асфальт, я остановился напротив кладбища и посмотрел на родные места в бинокль: чуть зеленели вербы у ручья, чернели засаженные огороды, серели шиферные крыши хат, на месте бывшей школы густо росли молодые акации, а по тропе через изумрудное пшеничное поле мужик вёз на тачке свою соседку.

ВНИМАНИЕ! КОНКУРС!

Продолжается прием рукописей на VI Международный конкурс им. С. Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков.

Конкурс проводится Российским Фондом Культуры и Советом по детской книге России

с 2008 г. с периодичностью 1 раз в 2 года,

Задача Конкурса — формирование и поддержка нового поколения детских писателей, пишущих на русском языке, сохранение преемственности с классической отечественной литературой.

Конкурс в полной мере можно рассматривать как общественный заказ на воспитание в ребенке чувства патриотизма, справедливости, верности и чести, любви и сострадания.

Произведения конкурсантов оценивает не только компетентное «взрослое» жюри, но и «детское», те, кому адресованы книги!

Произведения лауреатов издаются в книжной серии «Лауреаты Конкурса им. С. Михалкова» за счет организаторов Конкурса, авторский гонорар за них не предусмотрен. Книжная серия, включающая сегодня более 25 книг, пользуется большой популярностью у подростков, их родителей и педагогов. В детских библиотеках, школах, детских домах проходят презентации изданных книг и встречи авторов-лауреатов с читателями. Подробную информацию о Конкурсе можно найти на сайте: www.svmihalkov.ru Контакты: e-mail: konkursmih@yandex.ru Тел. +7 495 691 63 49

Новый роман А. Г. Ильяхова «Избранник Вечности» рассказывает о легендарном «Походе мщения» эллинов под командованием Александра Македонского в Малую и Среднюю Азию, Египет, Афганистан, Индию (IV в. до н.э.). В художественной интерпретации освещаются реальные исторические события и малоизвестные факты последних 13-ти лет жизни царя и полководца на основе воспоминаний его современников и античных авторов: Аристула, Арриана, Демосфена, Диодора, Каллисфена, Клитарха, Курция Руфа, Онесикрита, Плутарха, Птолемея, Страбона, Хареса и др. При этом роман не перегружен описанием боевых эпизодов, в нём достаточно места для описания национальных особенностей народов на пути Александра и его армии, религиозных традиций и культовых обрядов, толкования знаменитых вещей снов и пророчеств. Особенностью этого временного периода является широкое взаимопроникновение греческой и восточных культур на завоеванных Александром территориях, от Европы до Индии.

Опечатано в типографии ООО «Флер-1» г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2 8(861) 274-10-74 Заказ № Подписано в печать 13.07.2017 г. по графику в 10.00, фактически в 10.00. Тираж: 999 экземпляров Цена свободная

Газета Краснодарского регионального отделения Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель — КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3 ИИН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка и художественное оформление: А. Прокопенко
Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350061

Адрес для отправки корреспонденции
350000 Краснодар, ул. Ленина, 58
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайте
<http://sites.google.com/site/sprosia>
и <https://sites.google.com/view/krospr-gazeta>
и Краснодарской краевой универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru